

К вопросу об отношении общества к роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?»

Репинецкий Станислав Александрович, кандидат исторических наук, докторант кафедры всеобщей истории университета Бар-Илан (Рамат-Ган, Израиль).

Repinetskiy Stanislav, Ph.D., doctoral student at General History Department, Bar-Ilan University, Ramat Gan, Israel; stasre@gmail.com

Статья посвящена восприятию романа Н.Г. Чернышевского его современниками и изменением отношения общества к этому произведению следующими поколениями в течение полувека после его публикации. Исследование отвечает на вопрос о степени влияния романа на различные поколения революционеров. Оно основано на сопоставительном анализе источников личного происхождения (дневников, мемуаров и переписки) и материалов публицистики.

Ключевые слова: Чернышевский, общество, «Современник», «Что делать?»

This article is devoted to the relation of Russian public to Chernishevskiy's novel "Chto delat'?" ("What to do?"). It also researches the changes in the perception of this novel from one generation to another in the second half of the nineteenth century. The author makes a conclusion about the grade of influence of this novel on the ideological development of different generations of revolutionists. He bases on comparison of critical articles and private sources, such as diaries, memoires and epistolary materials.

Keywords: Chernishevskiy, public, Imperial Russia, "Chto delat'?", "What to do?", "Sovremennik".

Роман Николая Гавриловича Чернышевского «Что делать?» был написан в 1863 году после ареста в Петропавловской крепости и передан оттуда в редакцию журнала «Современник» Н.А. Некрасову, где и был напечатан, пройдя двойную предварительную цензуру. Это художественное произведение, а не прокламация и не политический памфлет, даже не политическое сочинение – в этом качестве оно и прошло цензуру, хотя затем и сделалось дополнительным доказательством обвинения против автора в подрывной деятельности.

Тем не менее, на протяжении полувека после публикации романа читатели всё в большей степени воспринимали его именно как акт революционной борьбы. В таком качестве он был охарактеризован вождями русского марксизма – Г.В. Плехановым и В.И. Лениным – и канонизирован в советской исторической науке. Несмотря на то, что, изданный в 1863 году в журнале «Современник», роман был изъят цензурой почти полностью, часть экземпляров уцелела и на их основе, как указывает С.А. Рейсер, в 1867 – 1902 гг. были сделаны 4 заграничных переиздания общим тиражом более 3 тыс. экз., а так же некоторое количество передававшихся в определённых кругах рукописных копий.¹ После первой русской революции цензурный запрет на публикацию «Что делать?» в России был снят.

При довольно ограниченном количестве экземпляров в течение полувека роман сделался, по признанию советских историков и их западных коллег, «настоящей Библией для русских революционеров»². В официальной советской биографии Н.Г. Чернышевского отмечалось: «Едва ли какое-либо другое произведение русской литературы было встречено с таким же нетерпеливым интересом. Мало того, что романом зачитывались, он резко влиял на убеждения и взгляды современников»³. Попытаемся проследить, как развивалось отношение к этому произведению с момента его публикации до революции. Подобная постановка вопроса уже имела место в историографии, как в отношении данного произведения, так некоторых других⁴.

Во-первых, сразу нужно отметить, что необычайно популярен роман стал именно в молодёжных революционно-демократических кругах. Подавляющее большинство

общественных и литературных деятелей, находившихся в момент появления романа в более или менее зрелом возрасте, либо совсем его не упоминают в своих дневниках и мемуарах (как например, П.В. Анненков, А.И. Герцен (в своих статьях он всё же писал о романе), Д.В. Григорович, Н.И. Греч, А.В. Никитенко, И.С. Тургенев, Б.Н. Чичерин и т.д.), либо оценивают его довольно критично (например, А.А. Фет и В.П. Боткин⁵).

Е.Я. Панаева (близкая Н.А. Некрасову – коллеге Чернышевского по редакции журнала «Современник») хотя и указала, что «роман Чернышевского имел огромный успех в публике», но ограничилась только констатацией этого факта. Затем она подробно описала провал одной из первых попыток осуществить на практике идею создания «коммуны» по образцу описанной в романе, что, безусловно, дискредитировало и саму идею.⁶

Ирина Паперно приводит целый ряд биографий более или менее известных современников Чернышевского, пытавшихся построить свою реальную жизнь на идеях романа. Подавляющее большинство примеров относится к людям, которые были лично знакомы с автором и между собой, являлись носителями, а иногда и распространителями, тех же идей и до написания «Что делать?». Исследователь сама указывает, что внутри этого довольно узкого круга личных знакомых (как максимум – второго порядка) и ближайших последователей Чернышевского практика и литература постоянно оказывали друг на друга взаимное влияние⁷. По существу, эта небольшая компания единомышленников (редакторы и основные авторы «Современника» и их ближайший круг общения – всего не более нескольких десятков человек) писали о себе и для себя.

Относить приведённые примеры к «влиянию романа на общество» было бы не совсем обосновано, поскольку сходные с идеями романа интенции были либо заранее присущи этому кругу, либо развивались в большей степени в личном общении (в том числе с самим Николаем Гавриловичем), нежели под влиянием чтения непосредственно. Даже если и считать эти примеры показателями распространения образцов поведения из романа в обществе, нужно признать, что оно было не так велико и в основном охватывало достаточно узкий круг демократической молодёжи. Хотя сами попытки некоторых молодых людей и девушек копировать вымышленных героев в реальной жизни были довольно ярким показателем успеха произведения в их среде, это тоже требует оговорки.

Насколько эти герои были вымышлены или взяты из круга общих знакомых автора и его последователей – в исторической науке и литературоведении вопрос открытый⁸. Возможно, роман не создавал стереотипы поведения в среде демократической молодёжи, а лишь пропагандировал и акцентировал внимание на примерах реализации тех же принципов, известных ей до прочтения произведения. Чернышевский и сам указывает на это в начале романа. Так что попытки «вести себя как Лапухов и Вера Павловна» могли быть и без самих «Лапухова и Веры Павловны», но под другим названием, например, «поведение в духе Боковых или Ковалевских».

Да и среди «прогрессивной» молодёжи попадались критические отзывы. Например, В. Г. Короленко (писатель и общественный деятель) отметил, что «"Что делать?" читалось и комментировалось в кружках молодежи, но лучшие его произведения, вся его яркая, кипучая и благородная деятельность постепенно забывалась...»⁹ – уже из этой цитаты видно, что автор не включал данный роман в число «лучших произведений» Чернышевского.

О том, как холодно и без восторгов восприняли роман собрата зрелые критики пишет в своей статье И. П. Видуэцкая: «Нет ничего удивительного в том, что роман признанного вожака революционной демократии, чудом проникший из стен Алексеевского равелина на страницы «Современника», вызвал ожесточенные нападки реакционной прессы. Удивительно другое: отсутствие единства в оценке романа революционно-демократической критикой в лице ее главных представителей – А. И. Герцена М. Е. Салтыкова-Щедрина, Д. И. Писарева и др. Несмотря на то, что на протяжении нескольких ближайших лет после появления в печати «Что делать?» о нем

высказались кроме упомянутых критиков-демократов также Г. З. Елисеев, Ю. Г. Жуковский В. С. Курочкин, П. А. Бибииков, Н. Я. Николадзе, только Писарев дал развернутый анализ романа. Остальные ограничились отдельными замечаниями».¹⁰

На неоднозначность приёма романа Чернышевского даже революционной молодёжью указывает в другой статье того же издания Э. Л. Афанасьев: «...выдающаяся роль Чернышевского и его романа в воспитании народовольца не выводится автоматически из чтения этих материалов. Более того, даже там, где народовольцы прямо признают влияние Чернышевского, это влияние трудно, если не невозможно отделить от влияний иных идеологов — Лаврова, Бакунина и др. Поэтому было бы натяжкой приписывать одному Чернышевскому такое влияние на личность, которое, очевидно, принадлежит всей революционной идеологии в целом. Более того, если попытаться выделить «в чистом виде» идущее от Чернышевского, то мы должны будем признать, что это вряд ли осуществимая, а может быть, и неисполнимая задача. ... О популярности Н. Г. Чернышевского, его сочинений и в их числе знаменитого романа «Что делать?» в среде революционной молодежи 70-х годов упоминает, в сущности, каждый исследователь народовольческого движения. Однако конкретно вопрос о влиянии романа на жизненный идеал народовольцев еще не ставился».¹¹

Иными словами, советская историческая наука, всегда уделявшая огромное внимание Н.Г. Чернышевскому и его роману «Что делать?», к самому концу своего существования (1990 г.) была вынуждена констатировать следующее обстоятельство. С одной стороны, буквально «каждый исследователь» упоминает о бешеной популярности романа «Что делать?» среди прогрессивной молодёжи. С другой стороны, никто до сих пор не смог найти этому документального подтверждения (несмотря на великое множество исследований) и все попытки это сделать натолкнулись на неразрешимость данной задачи или факты, откровенно противоречащие изначальному тезису. Получается, повторяемое из книги в книгу положение о том, что роман был «библией» молодого поколения оказался лишённым источникового основания.

Тем не менее, это положение никем поныне не опровергнуто и всегда воспринималось как само собой разумеющееся. Попробуем проследить его происхождение, основания и степень релевантности. Роман «Что делать?» стал манифестом просвещения и рационализма, выраженного в образах и поведении «новых людей» (главные герои) и революционеров (Рахметов). В этом качестве роман стоит в ряду довольно большой группы произведений середины XIX в., посвящённых той же тематике. В те же годы появились «Отцы и дети» И.С. Тургенева (1862 г.) и «Обрыв» И.А. Гончарова (1869 г.).

Однако оба упомянутых высокохудожественных произведения не могли удовлетворить самих «новых людей», о которых они были написаны. Причиной было то, что оба, безусловно, талантливых автора были достаточно далеки от этой группы и в социальном и в идеологическом смысле, не могли её правильно понять. В результате их герои – Базаров и Волохов – получились скорее карикатурными персонажами. По крайней мере, «новые люди» (прогрессивная, революционно-демократическая молодёжь) воспринимали их именно так.¹² Затем появилась ещё целая плеяда подобных произведений, принадлежащих уже перу самих «новых людей», но авторам не доставало известности и таланта для занятия пьедестала кумиров молодёжи.¹³

На такую роль мог подойти человек, принадлежащий кругу революционно-демократической молодёжи (разделяющий её ценности и мировоззрение) и обладавший достаточными литературными способностями и сложившимся авторитетом борца за просвещение и прогресс. Именно Н.Г. Чернышевский обладал всеми этими качествами. Более того, его популярность среди прогрессивно и оппозиционно настроенной части общества переживала пик во время судебного преследования против него в 1862 – 1864 гг. и в первые годы после гражданской казни. Все, кого возмущала существующая в стране

несправедливость, кто не мог остаться равнодушным к необоснованному обвинению и наказанию, обратили внимание на эти события с симпатией к жертве.

Николай Гаврилович стал восприниматься в обществе, в том числе и многими из своих бывших противников, как мученик за правое дело национального прогресса, символ борьбы за справедливость. Даже цензор и общественный деятель А.В. Никитенко, часто критиковавший Чернышевского в своём дневнике (например: «к чему увлекать за собой других, а особенно это бедное неразумное юношество! Подвизаясь в "Современнике", этот передовой человек (так называют себя эти господа) взял на свою душу немало греха, совратив многих»), написал после его гражданской казни следующее: «Жаль! Потому что люди, даже вовсе не сочувствующие Чернышевскому, невольно склоняются к мысли, что с ним поступлено слишком строго; чтобы не сказать – жестоко»¹⁴. Тем более героический ореол приобрёл Чернышевский среди своих коллег и единомышленников.¹⁵

В этих условиях любое слово этого мученика приобретало особый вес и значение, особенно, если само это «слово» было окутано ореолом таинственности и приключений. Как известно, роман был написан в Петропавловской крепости, передан оттуда Н.А. Некрасову, затем случайно им потерян и по счастью вскоре найден и опубликован в «Современнике». Вся эта история разворачивалась на виду у публики (объявление об утере рукописи и причитающемся за её возврат вознаграждении тоже публиковалось в открытой печати)¹⁶. По свидетельству ряда связанных с литературной жизнью современников (в том числе И.С. Аксакова, Ф.И. Тютчева, Б.Н. Чичерина и В.В. Крестовского) особый интерес вызывало в публике того периода всё запрещённое и запрещаемое¹⁷ («запретный плод сладок») – это обстоятельство тоже с первых дней подогревало интерес к роману и его автору.

5 сентября 1872 года, совет Главного управления по делам печати недвусмысленно констатирует: «В романе «Что делать?»... проводились идеи нового социального порядка, имевшие губительное влияние на современное молодое поколение. Главными чертами этого направления были: (...) требование коренного преобразования экономических условий нашего общества, прославление деятельности людей, обрекающих себя на самоотверженное служение народу и предводительство массами в их попытках изменить гнетущий порядок общественного устройства. Такое значение романа и судьба его автора привлекли к нему сочувствие молодого поколения... но, с другой стороны, обратили на него строгое внимание правительства».¹⁸

Но, конечно, роман никогда не сделался бы «библией» молодых людей, если бы они не нашли в нём того, что искали. Народоволец П.А. Кропоткин признаётся в своих воспоминаниях: «В нигилистах Чернышевского, выведенных в несравненно менее художественном романе "Что делать?", мы уже видели лучшие портреты самих себя».¹⁹ Смысл романа виделся поколению народовольцев в том, что Чернышевский показал настоящую прогрессивную российскую молодёжь, реализующую идеалы просвещения, рационализма и даже социализма в рамках существующего русского быта, постепенно его преобразуя в сторону прогресса. Иными словами, роман ответил на вопрос, что делать сейчас с теми истинами, которые молодые люди и девушки вычитали из книг и статей. Автор предлагал каждому готовую программу действий в семейной жизни, трудовой деятельности и политике. Роман стал так же одним из первых произведений, которое вводило в этот контекст женщину.

Программа действий была представлена Чернышевским в форме описания деятельности главных персонажей романа, которые, по меткому выражению Н. С. Лескова, выступали «коноводами»²⁰, а в их устах – как отмечали А.А. Фет и В.П. Боткин – «каждое слово – дидактика, каждая фраза выражает принцип».²¹ Образы главных героев сразу стали своего рода «манифестом» молодёжи против жизненных принципов старших поколений, социалистов – против либералов и консерваторов. Восторги или поношения этих персонажей сделали элементами спора «отцов» и «детей» и продолжением спора об «Отцах и детях» Тургенева²².

А.А. Фет и В.П. Боткин выступили как самые яростные критики новых кумиров и идеалов. Их замечания о героях романа столь остры и хлестки, что их целесообразно процитировать. О Лопухове: «Медицину он бросил бы, не кончив курса; главная уместность его, как увидим, состоит в ряде подлогов, на которых зиждется все его благосостояние... неотесанных Лопуховых посади за какой хочешь стол, они сейчас же ноги на стол». О Кирсанове: «Кирсанов – только безнравственный слабец». О Рахметове: До сих пор мы видим только в нем больше нелепой, но для общества безвредной экзальтации, чем в других. Проповедник религии эгоизма – он укоряет Лопухова в эгоизме. (Пойми, кто может!)».

Больше всего досталось Вере Павловне: «Нравственное воспитание Верочки, начатое уличной прелестницей Жюли, – блистательно окончено Лопуховым. Теперь ей уже все нипочем. Она только станет отыскивать ей лично приятного. Теперь понятия: отец, мать, семейство и вообще о доме для нее уже пустые фразы. "Лучшее развлечение (от) мыслей – работа, думает Верочка: буду проводить целый день в мастерской" – но ведь это слова, а на деле Верочка продолжает пить сливки и благодарить мужа за усиленный труд. – "Ведь это все, я знаю, для меня. Как я тебя люблю", – и теория равенства труда и коммерческой независимости – забыта».²³

В описании Фета и Боткина «новые люди» нелепы, лживы и невоспитанны. Они – воплощение всех мыслимых и немыслимых пороков и в этой порочности причина их популярности среди молодёжи. Им всё даётся легко, они уверены в своём превосходстве над окружающими, поэтому недалёкие молодые люди стремятся следовать их примерам.

Н. С. Лесков оценил их принципиально иначе. Он продемонстрировал, насколько далеко восприятие их критиков реального содержания образов. Описания героев, принадлежащие перу Лескова и Писарева, Луначарского и Богословского, столь точно отражают их позиции, что наилучшим образом передать их собственными словами авторов.

Лесков отмечал следующее: «Героев романа г. Чернышевского тоже называют нигилистами. А между ними и личностями, надоевшими всем и каждому своим нигилизмом, нет ничего общего. Люди г. Чернышевского совсем другие, а эти фразеры; в людях г. Чернышевского прежде всего стремление – дать благосостояние возможно большему числу людей; в нигилистах наших общность интересов только на языке, а на деле жестокосердие. Кто же настоящие нигилисты? Верно, люди из романа г. Чернышевского. Их мало в натуре (совершенно таких людей, как у г. Чернышевского, мы даже вовсе не видали), они в натуре не ведут дел так счастливо, проваливаются, даже бывают посмешищем для экономических весельчаков "Новые люди" г. Чернышевского, которых, по моему мнению, лучше бы назвать "хорошие люди", не несут ни огня, ни меча. Они несут собою образчик внутренней независимости и настоящей гармонии взаимных отношений».²⁴

И уже к абсолютной апологетике так называемого «нового типа» людей пришёл в 1865 г. Д.И. Писарев: «Новые люди считают труд абсолютно необходимым условием человеческой жизни ... Основные особенности нового типа, о которых я говорил до сих пор, могут быть сформулированы в трех главных положениях, находящихся в самой тесной связи между собою. Новые люди пристрастились к общепользному труду. Личная польза новых людей совпадает с общею пользою, и эгоизм их вмещает в себе самую широкую любовь к человечеству. Ум новых людей находится в самой полной гармонии с их чувством, потому что ни ум, ни чувство их не искажены хроническою враждою против остальных людей. А все это вместе может быть выражено еще короче: новыми людьми называются мыслящие работники, любящие свою работу. Значит, и злиться на них незачем»²⁵.

Обращает на себя внимание, что Лесков и Писарев прославляли именно трёх главных героев романа – Веру, Лопухова и Кирсанова, уделяя меньше внимания «особенному человеку» – Рахметову. В некоторой степени это объясняется цензурными

ограничениями. По вине этого фактора образ «пламенного революционера» критика прославила лишь после победы тех, кто на него ровнялся.

А.В. Луначарский высказал, что «...Рахметовы рисовались ему людьми, прежде всего, свободными — свободными от долга, внешне навязанного, свободными от долга, внутренне принятого на себя в качестве насильственной дисциплины».²⁶ Н.В. Богословский писал: «Главное отличие Рахметова от других героев романа в том, что он не рядовой "новый человек", а организатор революционной борьбы за счастье народа, отрешившийся от личной жизни, всецело погруженный в опасную конспиративную работу по подготовке народного восстания».²⁷

Теперь обратимся от оценки критиками основных героев произведения к тому, как оно читалось и воспринималось публикой, и какую реакцию вызывало. Роман был прочитан публикой, особенно молодёжью, сразу и жадно, вызвав самые противоречивые отклики. В тот же год, когда он был опубликован Н. С. Лесков писал: «о романе Чернышевского толковали не шепотом, не тишком, — во всю глотку в залах, на подъездах, за столом г-жи Мильбрет и в подвальной пивнице Штенбокова пассажа. Кричали: "гадость", "прелесть", "мерзость" и т. п. — всё на разные тоны... Роман г. Чернышевского прочитан великим множеством русского люда».²⁸ Молодёжь 1860-х гг. ринулась немедленно реализовывать намеченные Николаем Гавриловичем задачи.

Вот как революционерка В.И. Засулич описывала их поиски: «"Что делать?" Чернышевского продолжало перечитываться молодежью, но самый доступный легко исполнимый из являвшихся прежде вопросов на поставленный в заголовке романа вопрос — заводить ассоциации — уже не удовлетворял. Увлекались снами Веры Павловны, Рахметовым. Но что же именно делал Рахметов? Что делать для осуществления снов Веры Павловны? Пересоздать существующий строй. Рахметов — революционер. Это говорили, но смысл в такие слова вкладывали самый туманный, самый разнообразный. Был, однако, указан в романе и путь к некоторой подготовке осуществления снов — швейные ассоциации».²⁹

Далее Вера Ивановна делится неудачным опытом создания и функционирования некоторых подобных ассоциаций, о которых мы так же упоминали по воспоминаниям А.Я. Панаевой. Помимо создания ассоциаций, идеи романа оказали прямое и непосредственное влияние на формирование и развитие первых организаций и кружков нечаевцев, ишутинцев, народовольцев и др.³⁰ Среди последних Чернышевским, в частности, зачитывался и активно пропагандировал его на мероприятиях организации будущей первый русский марксист Г.В. Плеханов.³¹

Нужно отметить, что среди более зрелого поколения сразу после выхода романа нашлись авторы, заявившие в печати своё полное презрение к предлагавшейся Чернышевским программы действий. А.А. Фет и В.П. Боткин охарактеризовали сны Веры Павловны следующим образом: «Во-первых, в очерках ночных грез высказать непосвященным, до поры до времени, тайные учения и золотые сны секты, а во-вторых, на случай изобличения в тройной нелепости, оставить за собой убежище под эгидой стиха: "Когда же складны сны бывают". ... Он [автор — С.Р.] подчеркивает галлюцинации Веры Павловны своими надеждами на скорое их воплощение, похвалами этим будущим явлениям, и самому пронизательному, т. е. тупоумному (и тут психология), читателю ясно, что сон не сон, а только грезы, заменяющие прямую пропаганду».³²

В 1870-ые и 1880-ые гг. молодёжь увлекается новыми кумирами, которые пошли дальше в ответе на вопрос "Что делать?". Об это писал Короленко в начале своих «Воспоминаний о Чернышевском», продолжая приведённую выше цитату (речь идёт именно о времени его молодости): «Чернышевский явился к нам, как архаическая фигура поляка XVIII века на макадамовой мостовой русской Варшавы. Нас он не знал вовсе, а его мы успели забыть, и его облик — прежний облик — казался нам уже странным».³³

Однако роман "Что делать?" до некоторой степени сохранял свою актуальность и, как указывалось в начале, продолжал читаться в рукописных копиях и переиздаваться за

рубежом и нелегально провозиться на Родину автора. Заграничные переиздания романа в 1867, 1876, 1897 и 1902 гг. – лучший показатель наличия спроса на него.³⁴ Кроме того, произведению, можно сказать, «повезло»: им увлёкся молодой Володя Ульянов, а значит и все, кто считал В.И. Ленина своим вождём. Широко известны его изречения о романе: «Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь», «Под его влиянием сотни людей делались революционерами» и «Он меня всего глубоко перепахал». В воспоминаниях Ленина и о Ленине можно найти сведения, что будущий вождь впервые прочитал роман в 14 лет, а затем неоднократно перечитывал, в том числе 5 раз за одно лето; из тех же источников известно и о том, как любил «Что делать?» его старший брат Александр Ульянов³⁵.

Спутница жизни Ленина Н.К. Крупская отметила в своих мемуарах следующее: «Я была удивлена, как внимательно читал он этот роман и какие тончайшие штрихи, какие есть в этом романе, он отметил. Впрочем, он любил весь облик Чернышевского...».³⁶ Если «Что делать?» действительно зачитывались все революционеры, что так удивило Надежду Константиновну? Можно предположить, что далеко не все в молодом поколении борцов так почитали творчество своих предшественников, им на смену уже пришли новые кумиры, поэтому отношение Ленина к роману удивило Крупскую. И она как будто ответила на своё удивление следующим предложением и объяснила себе, что такой нетипичный в их поколении интерес к «Что делать?» происходит от особого, не менее нетипичного почитания её мужем образа Чернышевского в целом.

Советская историография, безусловно принимая как аксиому любое утверждение Ленина, настойчиво выдвигала и старалась обосновать его тезисы о Чернышевском как вожде революционной партии середины XIX века и его романе «Что делать?» как главном революционном манифесте того периода (следуя той же терминологии – «периода первой революционной ситуации»).³⁷ Можно даже предположить, что окажется какое-либо другое произведение той эпохи любимой книгой вождя революции – оно бы и превратилось под пером последующих историков в «настоящую Библию для русских революционеров». Иногда доходило до гротескных попыток вписать Чернышевского в контекст любого источника, даже если этого совершенно не требовалось.

Например, известная деятель народнического движения Вера Фигнер в своих мемуарах упоминает Чернышевского в двух местах. Примечателен и контекст упоминаний: в первом случае речь идёт о юности революционерки («Дядя был поклонником Чернышевского, Добролюбова и Писарева, но из сочинений Писарева он дал мне очень немного, а Чернышевского я просто не поняла»), а во втором – о речи восхищённого Николаем Гавриловичем Плехановым («речь, произнесенная Плехановым об участии Чернышевского и о политических преследованиях, была экспромтом»).³⁸ Рассматриваемый нами роман Вера Фигнер вовсе не упоминает. Интересно, что при этом готовивший в 1921 г. предисловие и комментарии к изданию Э. Павлюченко счёл нужным упомянуть Чернышевского (далеко не основного персонажа повествования) 7 раз. Случай был далеко не единичный.

Таким образом, очевидно, что роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» произвёл сильное воздействие на умы прогрессивно и оппозиционно настроенной молодёжи 1860-х годов, причём это воздействие продолжалось и в последующих поколениях (один из самых поздних восхищённых читателей этого произведения – лидер болгарских коммунистов второй четверти XX века Георгий Дмитров³⁹). Как нам представляется, первоначальный всплеск популярности романа можно приписать популярности автора, сложившемуся вокруг него ореолу мученика и интригующим обстоятельствам появления произведения в печати.

В дальнейшем, первые читатели романа пронесли это впечатление по жизни и передавали его последующим поколениям революционной молодёжи, к которой относилось большинство его читателей. Как свидетельствуют источники, молодые люди и девушки знакомились с романом зачастую в совсем юном возрасте... далеко не всегда

могли его понять. Видимо, главным мотивом чтения было не столько содержание сколько героический ореол вокруг произведения и его автора.

Но содержание оставляло неизгладимый след в душах большинства читателей, указывая простые и понятные пути воплощение новомодных книжных теорий в реальной российской действительности середины XIX века. Эта простота задач, чёрно-белая картина мира привлекала юные сердца, ещё не остывшие от юношеского максимализма. Нет ничего удивительного, что многие представители поколения 1860-ых годов бросились реализовывать программу Чернышевского: служить народу, просвещать его, создавать швейные коммуны, готовить восстание. Образы героев романа в значительной степени отражали чаяния и идеалы молодёжи, причём это касалось как негативных сторон личности, так и её позитивных составляющих – всё это было раскрыто критикой.

Создание и функционирование кружков и организаций народников и иных борцов за светлое будущее испытывали на себе значительное влияние этих идей. Однако, неудачи первых попыток остудили пыл. Это обстоятельство и исчезновение автора с политической арены ослабило популярность романа, хотя он продолжал публиковаться, переписываться, распространяться, читаться и обсуждаться в молодёжной революционной среде. Однако это уже не «настольная книга широких слоёв читателей», а один из столпов образования молодого революционера 1870-ых – 1880-ых годов, наряду с трудами новых властителей дум: Лаврова, Бакунина и др.

Новую жизнь в роман вдохнуло увлечение им вождем революции В.И. Ленина, которое – в силу чисто политических обстоятельств – автоматически переросло в обожествление этого произведения советской историографией и филологией, провозглашение его (без достаточных на то оснований) «библией всех молодых революционеров», а его автора их «вожаком».

¹ Рейсер С.А. Некоторые проблемы изучения романа "Что делать?" // Н.Г. Чернышевский. Что делать? Л.: Наука, 1975.

² Карпачёв М.П. Истоки российской революции. Легенды и реальность. М.: Мысль, 1991. С. 139.

³ Богословский Н.В. О романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» // Н.Г. Чернышевский. Что делать? М.: Детская литература, 1967. С. 22. Эта же статья опубликована в виде главы «Что делать?» в книге Богословский Н.В. Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889). Серия "Жизнь замечательных людей". М.: "Молодая гвардия", 1955.

⁴ См., напр.: «Что делать?» Н. Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование. М.: Наука, 1990; Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 28 – 33, 114 – 117; Берлин И. История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990; Баранов А. С. Образ террориста в русской культуре конца XIX — начала XX века. // Общественные науки и современность. — 1998. — № 2. — С. 181—191; FATHERS AND SONS A NORTON CRITICAL EDITION. I VAN T URGENEV. The Author on the Novel. The Contemporary Reaction Essays in Criticism. Translated and Edited by MICHAEL R. KATZ. MIDDLEBURY COLLEGE, 1994.

⁵ Критика 60-х годов XIX века / Сост., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. М., ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательства АСТ", 2003.

⁶ Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. С. 361 – 385.

⁷ Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 28 – 33, 114 – 117.

⁸ Там же.

⁹ Короленко В. Г. Собрание сочинений. Том 5. М.: Правда, 1953.

¹⁰ Видуэцкая И. П. Роман «Что делать?» в оценке революционно-демократической критики. // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование. М.: Наука, 1990. С. 78.

¹¹ Афанасьев Э. Л. Роман Чернышевского «Что делать?» и жизненный идеал народовольца. // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование. М.: Наука, 1990. С. 145 – 147.

¹² Кропоткин П.А. Записки революционера / Предисл. и примеч. В.А.Твардовской. М.: Мысль, 1966.

¹³ Видуэцкая И. П. Писатели-демократы 1860-х – начала 1880-х годов и роман Чернышевского «Что делать?». // «Что делать?» Н. Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование. М.: Наука, 1990. С. 37; Пинаев М. Т. У истоков литературной школы Н. Г. Чернышевского // Филологические науки. 1978. № 4. С. 10.

-
- ¹⁴ Никитенко А. В. Записки и дневник (В 3-х книгах). М.: Захаров, 2005. Записи за 22.09.1862 и 21.05.1864.
- ¹⁵ См., например: Кропоткин П.А. Записки революционера / Предисл. и примеч. В.А.Твардовской. М.: Мысль, 1966; Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. С. 351; Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания. М.: Радуга, 1921. Т. 1. С. 196.
- ¹⁶ Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. С. 357 – 361.
- ¹⁷ См., напр.: Аксаков К.С. Опыт синонимов: публика – народ. // Славянофильство: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 111 – 113; Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма. // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. - М.: Гардарики, 2000; Крестовский В.В. Кровавый пуф. М.: Современный писатель, 1995.
- ¹⁸ Шестидесятые годы. М. - Л., 1940. С. 404.
- ¹⁹ Кропоткин П.А. Записки революционера / Предисл. и примеч. В.А.Твардовской. М.: Мысль, 1966.
- ²⁰ Лесков Н. С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе "Что делать?" // Северная пчела, 1863, 31 мая, л. 142.
- ²¹ Критика 60-х годов XIX века / Сост., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. М., ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательства АСТ", 2003.
- ²² Писарев Д. И. Новый тип. По поводу романа Чернышевского "Что делать?" // Д. И. Писарев. Литературная критика в трех томах. Том второй. Статьи 1864-1865 гг. Л., "Художественная литература", 1981; Кропоткин П.А. Записки революционера / Предисл. и примеч. В.А.Твардовской. М.: Мысль, 1966.
- ²³ Критика 60-х годов XIX века / Сост., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. М., ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательства АСТ", 2003.
- ²⁴ Лесков Н. С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе "Что делать?" // Северная пчела, 1863, 31 мая, л. 142.
- ²⁵ Писарев Д.И. Мыслящий пролетариат. // Собрание сочинений Д.И. Писарева в 4-х томах, М., ГИХЛ, 1956 г., том 4, стр.12-24.
- ²⁶ Луначарский А.В. Романы Н.Г. Чернышевского. // Н. Г. Чернышевский, Избранные сочинения в пяти томах, том пятый, Соцэкгиз, М. —Л. 1932.
- ²⁷ Богословский Н.В. О романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» // Н.Г. Чернышевский. Что делать? М.: Детская литература, 1967. С. 19.
- ²⁸ Лесков Н. С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе "Что делать?" // Северная пчела, 1863, 31 мая, л. 142.
- ²⁹ Засулич В.И. Воспоминания. М.: Издательство политехнорганов, 1931.
- ³⁰ Лурье Ф. М. Нечаев: создатель разрушения. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 90 – 95.
- ³¹ Богословский Н.В. Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889). М.: "Молодая гвардия", 1955; Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания. М.: Радуга, 1921. Т. 1. С. 144.
- ³² Критика 60-х годов XIX века / Сост., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. М., ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательства АСТ", 2003.
- ³³ Короленко В. Г. Собрание сочинений. Том 5. М.: Правда, 1953.
- ³⁴ Рейсер С.А. Некоторые проблемы изучения романа "Что делать?" // Н.Г. Чернышевский. Что делать? Л.: Наука, 1975.
- ³⁵ См., например: Новикова Н.Н., Клосс Б.М. Н.Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 года. М.: Наука, 1961. С. 235; Рюрикова Б. Ленин о Чернышевском и его романе «Что делать?». // Вопросы литературы. 1957 № 8. С. 129.
- ³⁶ Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М.-Л., 1930. Вып. 1, л. 177.
- ³⁷ См., например: Богословский Н.В. Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889). М.: "Молодая гвардия", 1955; Карпачёв М.П. Истоки российской революции. Легенды и реальность. М.: Мысль, 1991. С. 138 – 152; Новикова Н.Н., Клосс Б.М. Н.Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 года. М.: Наука, 1961.
- ³⁸ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания. М.: Радуга, 1921. Т. 1. С. 95, 144.
- ³⁹ Богословский Н.В. О романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» // Н.Г. Чернышевский. Что делать? М.: Детская литература, 1967. С. 25.